

УДК 94(570)
ББК 63.2

Образ нэпа и нэпманов в периодической печати Енисейской губернии

Н.В. Гонина, С.В. Бершадская

Красноярский государственный аграрный университет (Красноярск, Россия)

NEP and Nepmen Representation in Siberian Periodicals

N.V. Gonina, S.V. Bershadskaya

Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russia)

Статья посвящена исследованию образа нэпа и представителей советской буржуазии 1920-х гг., так называемых нэпманов, на основе изучения публикаций местных периодических изданий с 1921 по 1925 г. Несмотря на определенные недостатки, связанные прежде всего с идеологическими и цензурными ограничениями, материалы сибирской периодической печати являются важным источником информации для понимания локальной ситуации, особенно в условиях недостатка материалов личного происхождения (дневников, писем, воспоминаний). Целью данной статьи является аналитическая реконструкция образа «новой экономической политики», который формировался на страницах ежедневной газеты «Красноярский рабочий» и ежемесячного журнала «Наше печатное слово», официальных периодических изданий Енисейской губернии указанного периода, выявление тех характеристик образа, которые соответствовали общероссийским тенденциям, и тех, которые представляли специфику Сибири. В основе исследования лежит проблемно-хронологический метод. Методологическую основу составили традиционные для исследований подобного рода принципы системности и объективности. Теоретическая и практическая значимость статьи состоит в создании базы для дальнейших исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: новая экономическая политика, нэпманы, средства массовой информации, городское население, быт, досуговые практики, Енисейская губерния.

DOI 10.14258/izvasu(2020)5-02

В отечественной и зарубежной историографии существует большое число работ, посвященных 1920-м гг. Однако тема исследования образа нэпа и «нэпманов» на основе газетных публикаций сибирских периодических изданий не нашла достаточного отражения в литературе. По мнению Ю.А.

This article examines the nature of the new economic policy and Nepmen – Russia's capitalists of 1920s – representation from the regional perspective of Siberia and textual evidence of the local periodicals during the period 1921–1925. Given the lack of materials of personal origin (diaries, letters, memoirs, etc.), textual evidence of the Siberian periodicals is an important source of information to understand the local situation despite certain ideological and censorship restrictions associated with the Soviet press. Using the texts of the daily newspaper “Krasnoyarsk Worker” (“Krasnoyarsky Rabochy”) and the monthly magazine “Our Printed Word” (“Nashe Pechatnoe Slovo”), the official periodicals of the Yenissei province, the article analyses the image of the “new economic policy”, considers the nature of Nepmen representation and identifies those characteristics of the images that reflect the trends common to Russia and those that represent the specifics of Siberia. The problem-chronological method is the basis of this study. The methodological basis is traditional for research of this type – the principles of consistency and objectivity. The theoretical and practical significance of the study is to create the basis for the further research on this issue. The results can be applied to courses in higher education institutions in subjects such as Russian history and Regional studies.

Key words: new economic policy, Nepmen, mass media, urban population, everyday life, leisure practices, the Yenissei province.

Русиной, периодическая печать как источник «содержит информацию практически обо всех сферах жизни общества и сторонах человеческой жизни» [1, с. 158]. И.Б. Орлов на основе не только обширных документальных и архивных материалах, но и на материалах периодической печати центральной части

России исследовал процесс конструирования образа «новой буржуазии» как негативного «антипода» положительной народной власти [2]. Проводя исследование в рамках анализа проявления частного капитала, Е.В. Демчик рассмотрела в том числе и вопросы менталитета частных предпринимателей 1920-х гг., заполнив существующие пробелы в воссоздании исторического портрета «нэпмана» на материалах Сибири [3]. В зарубежной историографии «последние русские капиталисты» периода 1921–1929 гг. стали темой изучения американского историка А. Болла, отметившего недостаточное количество исследований самих «нэпманов» и изменения отношения к ним со стороны партийных и советских органов [4].

Работ, посвященных непосредственно образу нэпманов в периодической печати, немного. Причем в их создании так или иначе участвовали не столько историки, сколько филологи и журналисты. Среди них можно выделить публикации Г.В. Жиркова [5]. Общая схема рассуждений фокусируется вокруг тезиса об идеологической ангажированности советских газет и об обсуждении на их страницах наиболее актуальных вопросов – борьбы с религией, неграмотностью, с нэпманами и другими, а также о формировании у населения «правильной точки зрения». Диссертация К.Н. Шадринной, защищенная под руководством историка, журналиста и книгоиздателя С.И. Гольдфарба, отличается от названных работ анализом содержания периодических изданий и оценкой их социальной роли [6]. В данном ряду с ней находится и работа О.Д. Якимова, которая посвящена печати национальных регионов (Якутии и Бурятии). Однако анализируемые в ней процессы подобны явлениям, происходившим в Сибири в целом. Проговариваются типы и виды периодических изданий, дается их характеристика. Но содержание газет и их влияние на население не выходит за пределы констатации однопартийности и идеологичности [7].

Таким образом, аналитическая реконструкция образа «новой экономической политики» и «нэпманов» на материалах сибирской периодической печати указанного периода остается актуальной темой.

На X съезде РКП (б) (март 1921 г.) органами центральной московской власти было объявлено о переходе к курсу новой экономической политики, заключавшемуся в том числе и в легализации частной торговли и денационализации мелкой и части средней промышленности. И «в силу новой экономической политики, каждый день печатаются разные декреты, открывающие частным предпринимателям пути к старым наживам: предлагают в аренду фабрики, заводы, разрешают кустарные производства и всякие небольшие хозяйства... Одним словом, идет во всем вакханалия», – записывает в своем дневнике

в июле 1921 г. не нашедший своего места при советской власти московский обыватель Н.П. Окунев [8]. «Это вам, богадельникам, не 20-й год хозяевами распорядиться!» – в характерной для совпрессы манере транслирует точку зрения представительницы новой советской буржуазии сибирская провинциальная газета [9, с. 3]. В качестве одного из приоритетных направлений деятельности органов советской и партийной власти X съезд обозначил необходимость пропаганды курса и разъяснения его целей в средствах массовой информации. В исследуемый период периодическая печать была единственным оперативным источником информации, доступным широким слоям населения, и «орудием просвещения масс и обучения их жить...». В рамках данного исследования исходной точкой анализа является презентация образа нэпа и нэпманов в газете «Красноярский рабочий» и журнале «Наше печатное слово», официальных периодических изданиях Енисейской губернии.

Положение официального органа советской печати «на местах» обязывало основанную еще в 1905 г. газету «Красноярский рабочий» к объективности и представлению различных точек зрения, поэтому помимо источника официальной информации, последовательно отражавшего позицию партийных и советских органов, газета для местного населения была также и «зеркалом» повседневной жизни, на страницах которой «...вся жизнь рабочего, со всеми недочетами, со всеми прорехами нашла отражение» [10, с. 3]. В исследуемый период тираж ежедневной газеты «Красноярский рабочий» доходил до 9 тысяч экземпляров. Таким же «орудием просвещения» и «зеркалом» был журнал «Наше печатное слово», являвшийся официальным органом Енисейского губернского отдела Всероссийского Союза рабочих полиграфического производства. Журнал был основан в 1921 г. и выходил ежемесячно тиражом 300 экземпляров. Печатники, в силу своей профессиональной принадлежности, были одними из самых грамотных представителей местного населения. Все это делает данные периодические издания ценным источником информации, позволяющим сделать попытку аналитической реконструкции образа новой экономической политики «с присущей ей парадоксальностью и противоречивостью» [11], определенной степени «социального, экономического и культурного плюрализма» [12, с. 192] и «нэпманов» как одних из представителей нового курса.

В соответствии с директивой центральной власти пропаганда и агитация курса «новой экономполитики» стартует на страницах местных периодических изданий уже 10 марта 1921 г. Так, на первой странице газеты «Красноярский рабочий» печатается статья об открывшемся накануне X съезде «нашей пролетарской партии», который «имеет перед собою целый ряд боевых задач. Одной виднейшей из этих за-

дач является скорейшая безболезненная ликвидация продовольственных и топливных затруднений...» [13, с. 1]. «В частности в отношении Коммунального Хозяйства вызвана к жизни новая экономическая политика» – разъясняет газета цели и задачи курса жителям Енисейской губернии [14, с. 2]. В журнале «Наше печатное слово» в статье, посвященной «аккордной» системе распределения заработной платы, вызывавшей недовольство рабочих и служащих Минусинского отделения Красноярской типографии, о новом курсе говорится: «Пришлось разъяснить администрации типографии, что при существующей новой экономической политике Советской власти, сводящейся к ведению народного хозяйства на основе безубыточности и заинтересованности рабочей массы путем возможного улучшения их быта, «аккордная» система, как «старый хлам», должна быть упразднена...» [15, с. 12]. «При новой экономической политике Советская власть разрешает частному капиталу принимать участие в хозяйственном строительстве», – продолжает пропаганду и агитацию курса центральной власти газета «Красноярский рабочий» [16, с. 2].

Анализ текстовых материалов периодических изданий Енисейской губернии исследуемого периода показывает, что, несмотря на директивы центральной власти и стартовавшую PR-акцию органов местной власти, настроение сибирских горожан в отношении курса «новой экономполитики» нельзя назвать благоклонным, о чем свидетельствуют регулярно появляющиеся статьи и заметки, прямо обвиняющие новый курс во всех «смертных грехах». Источником информации о постепенно складывающихся чертах образа нэпа на страницах периодических изданий губернии являются тексты, подвергающие резкой критике «омещанивающийся» быт: «На подмогу ... остаткам прошлого приходит настоящее в виде НЭП-а с его соблазнами и «окружением», лучшие представители рабочего класса, выдвинутые революцией на ответственнейшую работу, не гарантированы от того, что, сталкиваясь с этим НЭП'овским окружением, с «дельцами» и т. п. сами не отступятся, не свихнутся. Нередко в жизни отдельных товарищей мы видим перегибание палки в сторону омещанивания, приближения в своем быту к быту обывателя с его «уютом», выпивкой, пирушками и т. д.» [17, с. 2] или «воскресшую» проституцию: «Когда пришел НЭП, свободная торговля, когда государство должно было жестоко сократить штат своих рабочих и служащих, и появилась снова безработица – воскресла и проституция и начала свою подтачивающую работу в пролетарском государстве» [18, с. 3]. Хотя, по оценке самой газеты, «в Енисейской губ. и, в частности, в Красноярске, проституция развита не так сильно. По имеющимся, правда, неполным данным, в городе насчитывается профессиональных проституток до 80 человек,

в Ачинске и Минусинске до 20 человек в каждом» [19, с. 4]. «Квартирный вопрос» испортил не только москвичей, горожане Енисейской губернии, как и жители всей России, переживали «жилищный кризис», который на страницах местных периодических изданий также связывался с курсом «новой экономполитики»: «Красноярск, подобно многим городам Сибири и центральной России, переживает жилищный кризис. НЭП гримасничает в области жилищного дела больше, чем где бы то ни было ... рабочий вынужден ютиться в сыром, тесном, удаленном от центра или места работы, помещении» [20, с. 1].

Дополнительным источником информации о складывающемся на страницах периодики негативном образе «новой экономполитики» могут служить статьи и заметки, в текстах которых новый курс упоминался только в заголовке; так, например, заметка о людях, доставивших в испытывающий серьезные продовольственные затруднения Красноярск «мешки с орехами, корзины с яйцами, бутили и флаги с какой-то жидкостью и т.д.», именуется последних «спекулянтами». Заметка была напечатана под заголовком «Хлопоты НЭПа (картина с натуры)» [21, с. 3].

Так, начиная уже с 1922 г., одной из самых ярких «гримас НЭПа» становятся непосредственно сами представители новоявленной советской буржуазии – «дельцы породы НЭП» – так называемые нэпманы, к которым обыватели относили «биржевых дельцов, игроков в карты; рулетку, лото, тотализатор, рестораторов, аферистов, содержателей притонов и тому подобных» [22]. На страницах сибирской периодики, лишенные каких бы то не было конкретных физических характеристик, будь то пол, возраст или национальность, они чаще всего выступают в образе «спекулянтов», «бывших», например, «домовладельцев» или «торгашей», непонятно как «наживающихся» и живущих значительно лучше большей части советских граждан, однако обладающих негативными личностными характеристиками: «Обнаглевшие домовладельцы в связи с НЭП, стараются выкурить из своих квартир ... мелких советских служащих и рабочих» [23, с. 3]; «Переломный момент сдачи домов в аренду и введения квартирной платы был широко использован спекулянтами и бывшими владельцами» [20, с. 1]; «За последнее время, особенно заметно стали развиваться ювелирные магазины... Ювелир обрастал. Одевался соответственно своему богатству витринному. Щеголял бриллиантами. Напрашивается поневоле вопрос: Как они наживаются?» [24, с. 3].

И в дневнике москвича Н.П. Окунева есть такая запись: «...на улицах, как на грех, заводятся на каждом шагу магазины, из окон которых видятся все те блага, которые когда-то и нам были доступны. И щегольская обувь, и зернистая икра, и тонкое белье, и жирная ветчина, и роскошный мех, и пирожное.

Значит, есть же люди, которые и в наше время могут жить в свое удовольствие» [25]. Таким образом, «русские капиталисты» на страницах периодической печати Енисейской губернии начала 1920-х гг. представлены в виде некоторого отрицательного образа, лишённого каких-либо особых физических характеристик, что не выводит сибирских «капиталистов» за рамки общероссийских тенденций [2].

Точно так же «НЭП гримасничал» в Енисейской губернии не только в «вопросах быта», но и в сфере проведения досуга. Помимо финансовых проблем, в которых новый курс также обвинялся местной прессой: «В связи с введением новой экономполитики ж. д. клуб им. К. Либкнехта остался без сил и средств» [26, с. 3], на страницах местных изданий печатались материалы, в которых прямо говорилось о том, что рабочие и новоявленные «капиталисты» по-разному проводят свой досуг: «...на оперу идет нэпман, на драму ... наш брат – четвертое сословие» [27, с. 4]. Иногда в текстах, продвигающих идеи проведения досуга «по-новому, по-советски», также встречаются лишь косвенные обвинения нового курса и упоминается «мещанско-настроенная обывательщина» [28, с. 1], используются образы неких пресловутых «барышень». Так, например, в заметке, посвященной проведению вечера «в ознаменование 4-й годовщины Великой Октябрьской революции», весьма ядовито упоминаются «барышни», которые, «узнав, что Культподотдел определенно высказался против допущения танцев на этом вечере», объявили «своеобразную «забастовку», отказываясь от покупки билетов на этот вечер» [29, с. 5]. Танцы вместе с «бытом обывателя» стали атрибутом «омещанившегося» досуга и были объявлены «пережитком буржуазной идеологии»: «На танцы действительно идет публика. Но когда и какая? Тот, кто хочет пойти и что-нибудь послушать, повертывается и уходит. На танцы же остаются только те, кому это удовольствие «по сердцу». Организаторы и руководители подобных развлечений сами получают вредный уклон...» [30, с. 2]. Таким образом, и в текстовых материалах, касающихся досуговых практик горожан, встречаются не только прямая критика «новой экономполитики», но и завуалированная в образах «мещанско-настроенной обывательщины».

Как раз непосредственные физические характеристики новоявленные предприниматели получают в статьях, заметках и фельетонах, обличающих их неправильные и недостойные досуговые практики. Ярким примером пропаганды того, «что такое хорошо, и что такое плохо» в сфере нового советского досуга может быть статья, вышедшая под заголовком «Путешествие рабкора по клубам и казино». «Наш советский» способ проведения досуга представлен рабочими клубами, в которых правильно и достойно

отдыхают не только мужчины, но и, что особо подчеркивается автором статьи, женщины: «Длинный во весь зал стол завален газетами и журналами. Вокруг стола на деревянных скамьях теснятся читатели. Сесть негде... У порога приютились шахматисты. Стола не видно, он закрыт головами играющих и «подсказчиков»... За занавесью слышна спевка. Гудят пианино... На стенах плакаты, таблицы, диаграммы... В соседней комнате занятия по ликвидации безграмотности. Свободно, чисто...» Далее следует описание «путешествия» в казино с характерными для совпрессы атрибутами карикатурного описания образа «новых предпринимателей» [2]: «Волны табачного дыма. Красные, потные лица с блуждающими одичалыми глазами... Здесь можно встретить дамочку в мехах, улыбающегося «дэнди» из быв. судебных и прочих дельцов породы «НЭП»... Верные девизу: «Вино, женщины и карты!» они собираются сюда попытать счастья» [31, с. 3]. Иногда труд сотрудников казино вызывает у горожан Енисейской губернии сочувствие: «Не дешево достается служащим этого вертепа их кусок хлеба». Таким выводом заканчивается заметка «В омуте» о некоем посетителе казино, который «пообещал «набить морду» продавщице карт за то, что она не хотела дать ему сдачи с 5 000 руб., которых он ей никогда не давал, а дал 1 000 руб. Оскорбленная упала в обморок. Пришлось принять кое-какие меры: к ней направить врача, а к Малявину... милиционера. Это не единственный случай» [32, с. 3].

Отрицательные эмоции неравнодушных авторов заметок вызывало также украшение «вертепа» «дельцов породы «НЭП» советскими символами. Так, в одной из них, размещенной в разделе «Город за день» в январском номере газеты «Красноярский рабочий» за 1924 г. под заголовком «Снять бы надо», внимание читателей привлекается к факту того, что «на здании «Казино» красуется плакат с приветствием пролетарскому празднику 1 мая и красная звезда». Автор заметки делает жесткий вывод о том, что «этим пролетарским эмблемам не место на таком «почтенном» здании» [33, с. 4]. Не место в «таком почтенном здании» было и военнослужащим, вплоть до привлечения к судебной ответственности: «Начальник гарнизона г. Красноярска еще раз подтверждает свой приказ от 13 ноября о воспрещении всем без исключения военнослужащим посещать азартные игры (лото, казино и пр.)» [34, с. 6]. Так, мнение И.Б. Орлова о том, что «нэпманы, отождествляемые со всем негативом новой экономической политики, были обречены официальной пропагандой принять на себя мифологизированный образ «внутреннего врага» и, соответственно, «пятой колонны» мирового империализма, готовой ударить в спину Советской власти» [2], сформулированное на основании газетно-журнальных текстов центральной ча-

сти России, находит отражение и в текстовых материалах сибирской прессы.

Кроме того, справедливости ради необходимо отметить и проскальзывающие упоминания новых предпринимателей в положительном контексте, правда, и здесь не обошлось без уничижительного термина «торгаш». Так, в заметке «Как живет и учится пролетарское студенчество», повествующей о том, как красноярские студенты просили местных кооператоров помочь, говорится: «Без денег сидим, жрать нечего. Отпустите в кредит продуктов. О деньгах не беспокойтесь. Постановили «отказать». Пришлось к частному торгашу обратиться, поверил» [35, с. 8].

Нашли отражение на страницах местной периодики эмоции горожан, связанные с новым курсом, выраженные иногда весьма оригинально. Так, в одном из первых январских номеров 1924 г. в «Красноярском рабочем» появилась статья под заголовком «Старый год под судом», в которой рассказывалось о проведении «не совсем обычным способом» новогоднего праздника в красноярской губпартшколе: «Не устраивалось ни банальной пляски, ни бал-маскарада, взамен всего этого был устроен агитсуд над старым годом. ... После опроса свидетелей выступил общественный обвинитель, требовавший для старого года обвинительного приговора, на основании показаний попа, непмана и кулака... Приговор был встречен дружными аплодисментами» [36, с. 3].

«Великое, смешное, ужасное не в одном шаге друг от друга, а «вмятке» между собой. И мы живем изнемогая и не хотя даже жить так дальше! Но желая только пожить из одного любопытства: когда это все кончится и как?» – восклицал в своем дневнике московский обыватель Н.П. Окунев [8]. А вот горожане Енисейской губернии были менее патетичны и не верили в долговечность курса «новой экономической». Доказательством может служить своего рода «пророческий» фельетон, напечатанный в одном из номеров «Красноярского рабочего» за 1923 г.: «Я хоть и не большевик, – сказал Колпаков, – но я человек советский, работаю только с госучреждениями. Мне даже нравится «революция быта». Я читаю статьи Троцкого и нахожу, что он совершенно прав. Вот, к примеру, «советские крестины». Я своего хочу крестить «по-советски». Брат Колпакова, директор треста предложил: «Нэп» – вот подходящее имя. «Нэп Иванович Колпаков» – разве плохо? – Оно не плохо, да не прочно, – возразил Колпаков, – пока малыш вырастет, «нэпу», может, конец будет» [37, с. 2].

Таким образом, образ «новой экономической политики» в текстовых материалах периодических изданий Енисейской губернии указанного периода, как и сам курс, очень неоднозначен. С одной стороны, «НЭП» это – «боевая задача», поставленная

центральной властью и имеющая своей целью улучшение жизни людей, и люди ее принимают (например, «ликвидация продовольственных и топливных затруднений», «улучшение быта» или его «революция»), более того, используют в качестве аргумента в спорах с руководством предприятия. С другой стороны, «воскресшая проституция», «жилищный кризис» и «НЭП'овское окружение» в образе «дельцов породы «НЭП», которые появляются в статьях, заметках и фельетонах именно в образе «обнаглевших» спекулянтов, торгашей или «бывших», например, судебных или домовладельцев, живущих значительно богаче основной массы населения и неизвестно «как наживающихся». Эти образы отрицательны (даже если кому и помогают, то они все равно именуется стилистически не нейтральным термином «торгаши») и лишены каких-либо особых физических характеристик, на основании которых возможно было бы создать портрет типичного сибирского «капиталиста», и не выходят за рамки общероссийских тенденций. Яркие личностные и физические характеристики местных «нэпманов» появляются в текстовых материалах о новых советских досуговых практиках. Красные, потные лица, блуждающие одичалые глаза, дамочки в мехах в волнах табачного дыма и «барышни», саботирующие торжественные вечера по причине отсутствия в программе танцев, встречаются в текстах, критикующих «омещанивающийся» досуг и являющийся «антиподом» «свободного, чистого» советского культурного времяпровождения. Такая презентация образов не выводит Енисейскую губернию за рамки общероссийских тенденций. Однако в них образы перестают быть образами и становятся конкретными «гражданами имярек», которые в общем-то может и не являются богачами, но которые очень хотят таковыми казаться. Кроме того, в статьях и заметках, посвященных борьбе горожан на «квартирном фронте», не только имена и фамилии, но и адреса проживания «господ домовладельцев», притесняющих «мелких советских служащих и рабочих», упоминаются регулярно. Другой особенностью, выводящей образ нэпманов Енисейской губернии в материалах местной прессы из общероссийских тенденций, является отсутствие каких бы то ни было ссылок на национальную принадлежность, отмечаемую зарубежными исследователями «последних русских капиталистов» [4, с. XII].

Итак, мы видим, что газета была своего рода медиатором между властью и обществом, настраивая жителей на «нужный лад». Влияние печатного слова на малограмотное население было очень велико. Однако редакторы этим не ограничивались. Создавая негативный образ нэпа и нэпмана, они представляли его как причину и средоточие всех проблем городской повседневности 1920-х гг. и делали, в определенном смысле, громоотводом для недовольства

населения. С другой стороны, таким образом дискредитировалась сама идея частного предпринимательства и частной жизни. То, что данная тактика работала, подтверждают и дневниковые записи, и плотно укоренившиеся в сознании советского человека образы торговца-спекулянта, предпринимателя-мошенни-

ка и бескультурного мещанина, затем подхваченные художественной литературой [38], которые продержатся несколько десятилетий. Впрочем, это явление не было новым. Как указывает М. Хилтон, еще в XIX в. русское общество негативно относилось к успешным предпринимателям [39].

Библиографический список

1. Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург, 2015.
2. Орлов И.Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг.: мифы и реальность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-nepmana-v-massovom-soznanii-20-h-gg-mify-i-realnost/viewer> (дата обращения: 21.12.2019).
3. Демчик Е.В. Частный капитал в экономике Сибири периода нэпа. Барнаул, 2018.
4. Ball A.M. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929, Berkeley etc., 1990.
5. Жирков Г.В. Печать в системе антирелигиозной пропаганды периода нэпа (1921–1927-е гг.) // Медиаскоп. 2014. № 4.
6. Шадрин К.Н. Газетное дело в Восточной Сибири в 1921–1929 годы : автореферат дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2013.
7. Якимов О.Д. Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: от возникновения до наших дней. Новосибирск, 2000.
8. Дневник Окунова Никиты Потаповича. Запись от 12 июля 1921 года. URL: <http://prozhito.org/> (дата обращения: 05.09.2019).
9. Хоть на Марс // Красноярский рабочий 1923. №284.
10. На спектакле для подписчиков «Красноярского рабочего» // Красноярский рабочий. 1923. №278.
11. Бондарь В.А., Бугров К.Д., Горбачев О.В., Килин А.П., Мазур Л.Н., Поршнева О.С., Семерикова О.М., Соловьева Т.В. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е годы. Екатеринбург, 2018.
12. Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London, 2011.
13. Туманов И. «Открытие X съезда Р.К.П.» // Красноярский рабочий. 1921. №51.
14. Бочков Н. Коммунальное хозяйство (итоги и перспективы 1921– 1922 гг.) // Красноярский рабочий. 1922. №61.
15. Хессин В. По нашим отделениям // Наше печатное слово». 1922. №14.
16. Шиханов. Розничные цены // Красноярский рабочий. 1923. №281.
17. С.Д. К вопросам быта // Красноярский рабочий. 1924. №5.
18. К.Л. Будем бороться с проституцией // Красноярский рабочий. 1924. №82.
19. Проституция в Красноярске. Как ведется борьба с ней // Красноярский рабочий. 1923. №278.
20. А.О.Г. Лучшие жилища – рабочим // Красноярский рабочий. 1922. №239.
21. Железнодорожник. Хлопоты НЭПа (картина с натуры) // Красноярский рабочий. 1922. №239.
22. Дневник Окунова Никиты Потаповича. Запись от 18 марта (5 марта) 1924 года. URL: <http://prozhito.org/> (дата обращения: 05.09.2019).
23. А.С. Господа домовладельцы // Красноярский рабочий. 1922. №195.
24. Как они наживаются? // Красноярский рабочий. 1924. №127.
25. Дневник Окунова Никиты Потаповича. Запись от 2 октября 1921. URL: <http://prozhito.org/> (дата обращения: 10.09.2019).
26. В клубе К. Либкнехта // Красноярский рабочий. 1922. №199.
27. Контрамарщик. К концу зимнего сезона // Красноярский рабочий. 1924. №48.
28. Эльст И. Комсомольское рождество // Наше печатное слово. 1924. №26.
29. Нетребовательный. Типографский вечер // Наше печатное слово. 1921. №3.
30. Софьин М. Долой танцевальную халтуру // Красноярский рабочий. 1925. №96.
31. Рабкор 122. Путешествие рабкора по клубам и казино // Красноярский рабочий. 1923. №292.
32. Рабкор. В омуте // Красноярский рабочий. 1924. №7.
33. Снять бы надо // Красноярский рабочий. 1924. №6.
34. Вот это правильно! // Красноярский рабочий. 1924. №297.
35. Алексеев А. Как живет и учится пролетарское студенчество // Красноярский рабочий. 1924. №282.
36. Парткор Лыжин. Старый год под судом // Красноярский рабочий. 1924. №8.
37. Тополев И. Маленький фельетон «Крестины» // Красноярский рабочий. 1923. №281.
38. Ильф И. и Петров Е. Двенадцать стульев. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0120.shtml (дата обращения: 31.03.2020).
39. Hilton M. L. Selling to the Masses: Retailing in Russia, 1880–1930. Pittsburgh, Pennsylvania, 2014.